

СУПЕРСТРАННЫЕ ДЕТИ

ПЕТРА СОУКУПОВА

Петра Соукупова
Суперстранные дети

«Самокат»

2019

Соукупова П.

Суперстранные дети / П. Соукупова — «Самокат», 2019

ISBN 978-5-00167-442-9

Мила постоянно выпадает из реальности, погружаясь в свой внутренний мир. Ее родители привыкли, что она всегда витает в облаках, и переживают, что у нее нет друзей. Петр боится темноты и сверхъестественных существ, которые прячутся во мраке и преследуют его в кошмарах. А папа, как назло, сравнивает Петра с его более смелым младшим братом. Катка стыдится своей полноты и с головой уходит в книги, чтобы меньше общаться с людьми. Мама не принимает внешность Катки и хвалит дочь, только когда та ограничивает себя в еде и занимается спортом. Катка же тайком поедает сладости. Франту бесит, что окружающие видят в нем «калеку на костылях», поэтому он часто провоцирует драки и исподтишка снимает их на видео. Мама и отчим не знают, как найти с Франтой общий язык: он всё делает наперекор. Это история четырех детей, которые, каждый по-своему, примиряются со своими странностями и пытаются вписаться в общество, где быть другим, быть странным – ненормально. Петра Соукупова (род. 1982) – одна из самых успешных современных чешских писательниц. У нее уже вышло шесть взрослых книг и три детские («Бертик и чмух» 2014, «Кто убил Снежка?» 2017, «Суперстранные дети» 2019). Ее книги регулярно оказываются на первых местах в рейтингах бестселлеров, они переведены на четырнадцать языков.

ISBN 978-5-00167-442-9

© Соукупова П., 2019

© Самокат, 2019

Содержание

Часть первая	7
Мила	8
Петр	13
Бродяга	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Петра Соукупова

Суперстранные дети

The original title: Klub divných dětí

© Petra Soukupová, 2019

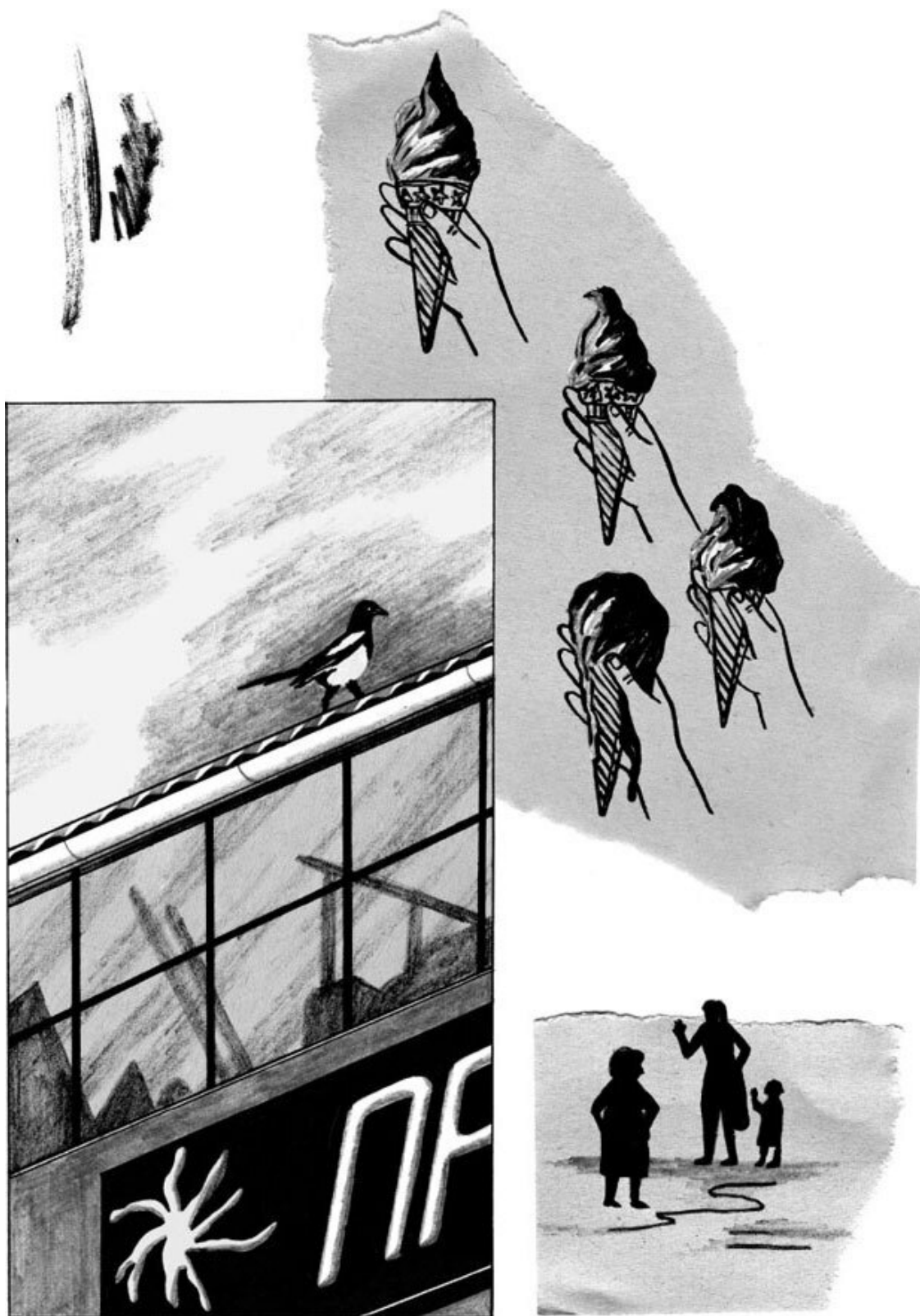
Illustrations © Nikola Logosová, 2019

© HOST – vydavatelství, s. r. o., 2019

© Ти́менчик К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

Часть первая Странные

Ми́ла

М Я странная, и я это знаю. Давно знаю, привыкла, что на меня иногда смотрят косо. Точнее, не то что привыкла, а видела, что люди считают меня странной, просто мне всегда было все равно.

Как-то раз, когда я еще ходила в садик, мне купили мороженое и я сидела с ним на лавочке и ждала маму, которая была то ли в магазине, то ли еще где, и тут увидела на крыше сороку. Вокруг былолюдно, но я отчетливо слышала, как сорока стучит коготками по жести, и стала смотреть, как она там снует туда-сюда.

А потом вдруг какая-то женщина мне говорит:

– Девочка, у тебя все в порядке?

Тогда я оторвалась от сороки и подняла глаза, а она показывает на мою руку, в которой я все еще держу мороженое: оно уже совсем растаяло и стекает по руке, капает на платье или в чем я там была, на землю. Видимо, я сама не заметила, как долго наблюдала за птицей.

Тут уже и мама вышла из магазина, и эта женщина ей сразу:

– С вашей девочкой все в порядке? Она сидела так, не шевелясь, очень долго! Ужасно странно! Я подумала, может, у нее какой-то приступ, мало ли что...

А я говорю:

– Мам, я наблюдала за сорокой вон там, – и показываю на крышу, но сорока, понятно, уже улетела.

Мама говорит этой женщине:

– Дети, сами понимаете... – А на меня смотрит таким своим взглядом типа: обязательно было так делать? Но я только плечами пожимаю, я же не нарочно.

– Точно все в порядке? – переспрашивает женщина, будто нам не верит.

– Разумеется, – отрезает мама. – А в чем проблема? Что она перепачкалась мороженым?

– Ну, извините, что беспокоюсь, – огрызается и эта тетка. Она такая противная, что ее смело можно назвать теткой, но я еще маленькая и побаиваюсь: вдруг мама прочтет мои мысли и увидит там эту «тетку».

– Ну ты и поросенок, – говорит мама беззлобно и протягивает мне салфетку.

– Мам, я странная? – спрашиваю я вдруг.

– Почему ты спрашиваешь? Из-за этой тетки?

– Не, не поэтому, – говорю я и не вру, ведь я и сама знаю, что я странная, только меня это не особо беспокоит.

– Дети в садике тоже так говорят, – признаюсь я.

– А кто именно?

– Элишка, Софичка, Аничка, Адам, Даниель, второй Даниель, Фанда. А, да, еще Йоганка.

– Все? А почему ты мне ничего не рассказываешь?

– Вот же рассказываю.

– Они тебя обижают? Завтра же поговорю с воспитательницами.

– Нет, не обижают, мам.

– Точно?

Я пожимаю плечами: да никто меня не обижает.

Тогда мы были еще маленькими, и даже Сашу никто не обзывал «вонючкой». Это началось позже, но я к тому времени уже привыкла. Или просто не обращаю внимания.

– Странная... странная... какое дурацкое слово! Все в чем-то странные. Все непохожи друг на друга, кто-то любит наблюдать за животными, а кто-то танцевать, так что никто не странный, и ты не делаешь ничего ужасного... конечно, когда не изгваздаешься вся в мороженом, – шутит мама и идет выбрасывать использованные салфетки и то, что осталось от моро-

женого, в помойку. А я подхожу к фонтану помыть руки. Я прижимаю струю воды ладошкой, чтобы, когда я отпущу руку, вода брызгала во все стороны.

Теперь я вся мокрая, и мама говорит в шутку:

– Ты какая-то странная! – И мы обе смеемся.

Но я понимаю, что мама просто пытается меня утешить, она и сама считает, что я странная. Они с папой часто на этот счет беспокоятся, не то чтобы я их подслушивала, но просто я действительно умею наблюдать и замечать. Само собой, я больше люблю наблюдать за природой, это куда интереснее, люди меня интересуют гораздо меньше, но если я вдруг случайно наблюдаю за людьми, то сразу замечаю, когда они ведут себя подозрительно, а родители, когда беспокоятся насчет моих странностей, всегда ведут себя подозрительно. Заходит, например, папа ко мне в комнату, и мы разговариваем о чем-то нормальном, ну не знаю, о коалах, скажем, но я замечаю, как папа барабанит ручкой или пальцами по столу. И мама туда же: она, когда нервничает, иногда на меня накричит, а потом сразу извиняется и смотрит таким долгим взглядом.

Или просто так приходит, как ни в чем не бывало, с какой-нибудь новой блестящей идеей, но я догадываюсь, что я опять натворила что-то не то. Например, однажды мама придумала, что я буду ходить в биологический кружок, раз я так люблю животных. Ну да, я их люблю, но в кружке скучно, можно делать только то, что велят, а с этими животными мы совсем не возимся и не играем. Все равно меня скоро оттуда выгонят, если из кружка можно выгнать, потому что в прошлый раз я выпустила ежика в сад погулять, а потом нам всем пришлось очень долго его искать, а Гонза, наш преподаватель, чуть не накричал на меня. Но ведь еж – дикое животное, ему лучше на природе.

Но главная моя странность в том, что, если я погружаюсь в свои мысли, время для меня течет по-другому. Родители это называют «она опять в своем мире» – а что, даже красиво. Раньше они говорили, что я опять задумалась, но это не совсем так, потому что я в такие минуты не думаю, а скорее наблюдаю. Просто, когда я в своем мире, время течет по-другому, как вот с этим мороженым. Я даже иногда могу заблудиться, потому что не замечаю, куда иду.

У магазина-то я подождать одна легко могу, потому что мама уверена, что я никуда не денусь. Но если уж я куда-то иду, тут и потеряться недолго. Однажды я уже терялась. Меня даже полиция искала. Я тогда была совсем маленькая. Я не особо помню, помню только, что ужасно плакала, когда меня догнала полицейская машина и полицейские выскочили и схватили меня. Правда, папа говорит, что ничего такого не было, меня нашла соседка, а не полицейские, так что не знаю.

Но к чему это я? Наверное, к тому, что часто жду маму у магазина. Ну, или не часто, но бывает.

И вот сегодня сижу я так, смотрю на голубей, крошу им остатки рогалика от завтрака. А на соседнюю лавочку садится какой-то пожилой дедушка и с трудом переводит дух, да и неудивительно, ведь на улице тепло, я в одной футболке и юбке, а на нем пальто и шляпа. И весь он как будто из старого кино. Голуби сразу разлетаются, это я вообще-то очень люблю, когда голуби взлетают совсем близко и поднимают вихрь, и полное ощущение, что птицы сейчас в тебя врежутся, но они никогда не врезаются. В зоопарке я особенно люблю павильон с индонезийскими джунглями, где свободно летают крыланы – это такие типа летучих мышей, только питаются фруктами – и тоже никогда в людей не врезаются.

А старик в пальто берет и достает откуда-то шиншиллу, не понимаю, где она пряталась, – наверное, в кармане. Шиншиллу я сразу узнала, хотя я не очень-то разбираюсь в грызунах, но у нас в школе живут две: одну назвали Пикачу (мальчишки), а другую – Шарлот (девчонки). Дурацкие имена.

Я смотрю, как шиншилла карабкается по дедушкиному рукаву и садится на плечо, изда- лека кажется, будто она ему что-то шепчет на ухо. Удивительно, какая умная шиншилла, вот Пикачу и Шарлот – глупые, и кусаются, и точно бы убежали, если их выпустить.

Пока я размышляю, как можно выдрессировать шиншиллу и не стоит ли и мне попро- бовать, к старику придвигается мальчик, который сидит тут же на лавочке, мальчик чуть помладше меня, но точно школьник, потому что у него школьный рюкзак. Мальчик берет дет- скую бутылочку из коляски, которая стоит рядом, и протягивает старику попить: видимо, это их общий дедушка – его и того малыша в коляске. Потом дедушка дает шиншиллу мальчику, а она и дальше ведет себя образцово, наверное, она и мальчика знает, привыкла к нему. Вот сейчас подойду и спрошу, как так выдрессировать шиншиллу, решаю я.

Но не успела я подойти, как появилась мама мальчика. Я ее знаю, однажды мы с папой заходили к ним домой, и папа с ней обсуждал что-то про стройку – мой папа юрист и занимается какими-то скучными строительными вопросами. Но женщину я хорошо запомнила, потому что у нее на щеке коричневое родимое пятнышко, скорее даже пятно, на самом деле оно довольно большое, прямо под глазом. Похоже на карту, на город на карте.

Но она меня не узнала, и я с ней не стала здороваться, все равно она не обращает на меня никакого внимания, смотрит только на мальчика и того старика. Видимо, это все-таки не их дедушка, потому что женщина очень сердится, что мальчик возится с шиншиллой. А мальчик, вообще-то он еще совсем мелкий, начинает канючить, что он хочет взять шиншиллу домой – мол, дядя ему ее подарит, а женщина говорит:

– Так не пойдет, извините. Пошли, Петя. – И тащит его за руку. Мальчик, кажется, вот- вот заплачет, а малыш в коляске уже по-настоящему плачет.

Старик на лавочке страшно закашлялся, как-то нехорошо его так оставлять, раз уж я подошла. Жалко, воды у меня с собой нет.

– Принести вам воды? – говорю я. – Я могу сбегать в магазин.

– Нет, спасибо, хорошая девочка. – Старик качает головой. Я пожимаю плечами: я пока ничего не сделала, только предложила.

– Тебе не нужна шиншилла? – говорит он.

– Конечно, нужна, – начинаю я. – Но...

– Я не могу больше ее у себя держать. Но она хорошая. Ее зовут Кусь. Не бойся, это прекрасный зверек.

У него такая сумка на колесиках, он вытаскивает из нее обувную коробку без крышки и ставит рядом со мной.

– Я ношу ее в кармане, но ты можешь посадить в коробку, пока не купишь что-нибудь получше. – Потом он просто встает и уходит.

Уходя, он снова закашлялся, а я так и сижу с этой шиншиллой, а в шиншиллах я совсем не разбираюсь, но не беда, найду в интернете, как за ней ухаживать. В отличие от других грызунов, которых я встречала, у шиншиллы мягкая шкурка и красивый хвостик.

Тут выходит моя мама и говорит:

– Господи, это еще что такое?

– Шиншилла.

– Чья?

– Моя, – говорю я.

Мама оглядывается по сторонам, будто ищет, чья это шиншилла.

– Мила, – говорит она. Так она называет меня, только когда злится, хотя это мое полное имя: я именно Мила, не Милена и не Милада, но обычно родители называют меня Мили, ну или Милушка. Но сейчас мама говорит:

– Мила, я тебе разрешила аквариум и черепаху. Если ты сейчас же не вернешь эту мышь, больше ни о каких животных не может быть и речи. Ты же знаешь, я терпеть не могу мышей.

Да, я знаю, только забыла. Мама терпеть не может мышей, а крыс по-настоящему боится. Как-то раз мы приехали летом к друзьям на дачу, и там мама увидела мышку и тут же вскочила на стул и завизжала – ну прямо сценка из «Тома и Джерри». И хотя это выглядело довольно смешно, я не смеялась. Было непривычно видеть, как мама чего-то так сильно боится, а уж забавную маленькую мышку тем более. Потом мы с папой просто вынесли мышь в сад и выпустили на волю, и она сразу бросилась от нас наутек. Но мама больше не хотела оставаться на этой даче. Похоже, они с папой даже поссорились из-за этого.

– Это шиншилла, – говорю я, хоть и понимаю, что это неважно.

– Неважно! Дома я ее не потерплю, и ты это прекрасно знаешь! Пойди и верни ее хозяину, а потом сразу домой. Покажи-ка, у тебя звук на телефоне включен?

Сейчас мне уже десять, и я, само собой, могу ходить одна, но только с включенным звуком на телефоне и при свете дня. Все равно я иногда немного теряюсь, но ведь я уже не маленькая, умею быстро сориентироваться и пользоваться гугл-картой, так что легко дойду, куда нужно. Поэтому теперь родители меня только в школу отвозят, а то я несколько раз сильно опаздывала, и наша училка Муравьева не верила, что я не нарочно прогуливаю. Но про Муравьеву мне даже думать не хочется, не люблю я ее, и вообще.

– Ты меня слушаешь? Иди и верни это хозяину.

Мама говорит «это», будто у меня в руках трупик, или гнилой помидор, или еще какая-то гадость.

Потом она хватается за сумку и быстро уходит, как обычно, когда очень злится. Я смотрю на шиншиллу. Она двигает носиком. Что мне с ней теперь делать, раз старик ушел, а я даже не знаю, как его зовут?

Но тут мне приходит в голову одна идея. Я встаю, осторожно сажаю шиншиллу в коробку и иду искать дом, где живет женщина с родимым пятном на лице. Я точно помню улицу, а дом, наверное, узнаю. Правда, этаж не помню, зато помню, что на двери у них была маленькая наклейка с Микки-Маусом.

Петр

II По вечерам я даже радуюсь, что у нас есть Луцка, потому что мы живем в одной комнате, и пока она не заснет, мне не страшно. У Тома своя комната, и все равно он всегда засыпает моментально, так что толку мне от него никакого. А Луцка иногда долго не засыпает и зовет маму, и маме приходится идти к нам. Или лопочет без остановки, это меня успокаивает, и я засыпаю первым, но даже если Луцка засыпает раньше, я могу слушать ее дыхание, для того мне ее и подселили в комнату, потому что я боюсь. Так вот и вышло, что я делю комнату с младшей сестрой, а брату досталась своя. Но я и правда рад, что в комнате я по ночам не один и слышу ее дыхание.

Правда, часто и этого недостаточно, даже ее ровное дыхание не способно унять мое воображение: чем сильнее я стараюсь ни о чем не думать, тем сильнее думаю и не могу заснуть, и тогда единственное, что мне нужно, – это мама. Как младенцу. Даже если не гасить ночник, это не спасает: света от него мало, в комнате остается куча темных уголков. А верхний свет нельзя включать, если Луцка уже спит.

Иногда я так сильно боюсь, что не могу даже встать, потому что под кроватью, где, само собой, чернота, может укрываться нечто и оно схватит меня за ногу, как только я спущу ее вниз. А бывает, что я больше боюсь не того монстра, который живет под кроватью, а кого-нибудь другого, тогда можно вскочить и пулей добежать до спальни родителей. Правда, это совсем не по душе папе, потому ему тогда приходится переходить в мою комнату, а на моей кровати у него болит спина, видите ли. Но я обычно не обращаю на это внимания, потому что лежать и не спать один в своей комнате я просто не могу.

Тогда папа качает головой и говорит что-то типа:

– Такой большой мальчик, а боится темноты. Не дури и ложись к себе, смотри, как Том спокойно спит, а он в комнате совсем один и к тому же младше.

Или:

– Петя, монстров не существует, в кино их играют актеры.

Но, во-первых, я боюсь не темноты, а того, что в ней может скрываться. А во-вторых, я и сам знаю, что монстров не существует, и понимаю, что это актеры, я не маленький, вернее маленький, но вообще-то мне уже восемь лет и восемь месяцев, я просто маленького роста, самый низкий в классе, даже девчонки все выше. А всё потому, что у меня родители невысокие, особенно мама. Но дело не в этом. А дело в том, что ночью в темноте может скрываться все что угодно.

Как-то раз мне папа показал смешное видео, как Волан-де-Морт, то есть актер, который его играет, пьет из трубочки лимонад, он уже был загримирован и ждал съемок, поэтому ему пришлось пить через трубочку, чтобы не попортить грим. На видео он выглядит не так страшно, как в фильме, но мне бы все равно не хотелось, чтобы ночью он оказался в моей комнате.

А если папа думает, что мне легче от того, что он постоянно повторяет, как Том прекрасно спит и ничего не боится, хотя и младше, – то он ошибается. Но я ему в этом не признавался.

Сейчас мы сидим в ванне, и пусть я уже замучился играть, как резиновые зверики плывут на корабле в Англию и идут пить чай – ужасно скучно, – но я все равно рад, что сестра рядом. И по вечерам, когда начинает темнеть, я тоже не люблю оставаться один. У Тома еще уроки, он ходит на тренировки, а потом садится за домашку только после ужина, а Луцке уже пора купаться, поэтому я тут с ней.

– Ну, вылезай, Луцинка. – Приходит мама и начинает вытаскивать Луцку из ванны, это не так быстро, потому что Луцка не хочет и мама с ней играет. Интересно, что со мной или

Томом она уже не играет, хотя раньше, когда мы были маленькие, тоже дурачилась, просто со старшими родители так не возятся.

Потом она уносит Луцку, чтобы одеть ее в пижаму, а я остаюсь в ванной один. Стиральная машина гудит, и это хорошо, потому что тишина мои страхи только подстегивает, хотя и машина порой издает довольно странные звуки.

Но сегодня это все не так важно, потому что со мной приключилась одна удивительная история, и хотя она скорее хорошая, но я все равно теперь боюсь еще сильнее. Я-то думал, что, раз мне почти девять, все наладится, и все правда как будто почти наладилось, потому что несколько раз я засыпал почти нормально, даже раньше папы. Несколько ночей вообще не просыпался. Заснуть, а потом проснуться ночью – еще хуже, и не только потому, что родители, когда ложатся или идут ночью в туалет, гасят у нас ночник и я просыпаюсь в полной темноте.

Да и к маме в кровать я давно не приходил, даже папа сказал «ну наконец-то, давно пора», и я уже думал, что с моим сном больше таких проблем не будет, но теперь не знаю. Сегодня я явно не усну.

А случилось вот что: я встретил волшебного старичка. Звучит как в сказке, но по-другому не скажешь. Да, я знаю, что волшебных существ не бывает, Деда Мороза там, монстров и так далее, – я не маленький. Но этот был настоящий волшебник, хотя выглядел как самый обычный старик, от него даже пахло по-стариковски. Он уселся на мою лавочку, когда я ждал маму у магазина и приглядывал за Луцкой, она спала в коляске, а мне было скучно, и я чуть не заснул там на солнышке. Я часто днем, стоит мне присесть, начинаю засыпать, особенно под какие-нибудь убаюкивающие звуки, а там как раз ворковали голуби. И вот я почти заснул, но тут этот старик: он сильно кашлял и, похоже, мучился от жары, мне стало его жалко, и я предложил ему малиновый морс из Луцкиной пластиковой бутылочки с единорогом. Мама вечно ворчит: мол, сдались вам эти пластиковые бутылочки, из них и пить-то невкусно, ну а в чем еще носить с собой питье?

А этому старичку явно так жарко – еще бы, он укутался как на Северный полюс и даже шляпу нацепил, а сам то и дело утирает лоб платком – ему наверняка все равно из чего пить. И действительно: он попил и доволен, сразу перестал кашлять, отдышался, а потом взял и вытащил из кармана пальто настоящую живую шиншиллу. В тот момент я, само собой, еще не знал, что это шиншилла, думал, просто толстая мышь с пушистым хвостом, но он объяснил, что это шиншилла. И еще сказал, что ее зовут Куся, и предложил взять ее себе.

Вообще-то я не всегда понимаю, когда взрослые шутят, а когда нет, и на всякий случай промолчал, к тому же родители все равно не разрешили бы мне домашнее животное, но старик объяснил, что он уезжает и не может взять с собой шиншиллу, так что пусть я ее заберу – видно, что я хороший мальчик. Уж не знаю, такой ли я хороший, но нечасто что-нибудь вытворяю, это правда, и мне бы очень хотелось домашнее животное, поэтому я так и сказал: хотел бы, но мама не разрешит.

– Жалко, – сказал старик, и тут мама вышла из магазина и сразу такая: что это значит? Я ей все рассказал, но она ответила, что это полный бред, и вообще очень противно с этим старичком разговаривала: типа мы не можем брать животное у чужих людей, что это вообще за дурацкая идея? Видно, она разозлилась, к тому же проснулась Луцка и заплакала, тогда мама схватила меня за руку и потащила домой.

Ненавижу, когда она меня тащит, поэтому я вырвался и пошел сам и тоже всплакнул немножко, но так, чтобы мама не видела. Я злился, что она даже обсуждать не захотела и всю дорогу только повторяла, что это бред, нельзя брать животное у чужих людей, ага, как будто у знакомого мы бы взяли шиншиллу! Я так и спросил: а если бы мы познакомились с этим дедушкой, то могли бы взять у него Куся?

Но мама только головой покачала и сказала:

– Немедленно прекрати, а то сегодня без телевизора останешься.

Так что я на всякий случай помалкивал, но это ужасно несправедливо, ведь у меня могла бы быть прекрасная дрессированная шиншилла, она же совершенно ручная: старичок ее отпустил, а она даже не убежала, – так нет же.

А потом вдруг, когда мы уже были дома, кто-то позвонил в дверь, мама пошла открывать, но за дверью никого не оказалось, только стояла коробка с Кусем.

– Это еще что такое? – сказала мама.

Вот тут я и понял, что это настоящее чудо: значит, старичок был волшебник. А как иначе он мог узнать, где мы живем, и как Кусь смог бы сам сюда добраться? А еще мне сразу стало ясно, что мы должны взять шиншиллу – не оставлять же на лестнице. Видно, мама тоже это поняла, потому что когда я стал канючить и обнял ее (я знаю, она это любит), то она быстро сдалась и разрешила, но только пока мы снова не встретим того старика и не вернем ее. Но я-то знал, что мы никогда его больше не встретим, а потом мама добавила сердито, что зря я сказал, где мы живем, посторонним такое не рассказывают, пора бы уже понимать, мне же не пять лет, господи ты боже мой.

Но я ему ничего такого не говорил, так я маме и объяснил.

– Ой, не ври только, – сказала мама.

– Я и не вру, – сказал я.

– Значит, этот псих за нами следил? – нахмурилась она, а я тоже нахмурился: зачем она такого славного дедушку назвала психом? К тому же возле нашей двери нет таблички с фамилией – как бы он узнал, какая квартира наша? Он мог разве что увидеть, как мы заходим в дом, но не в квартиру же.

Тогда я решил соврать и сказал маме: да, прости, это я выболтал. А мама сказала, что я совсем дурачок, ведь опасно чужим людям называть свой адрес, и еще долго читала мне нотации. Я-то, конечно, не идиот и ничего такого никому не говорил и не говорю, но пришлось терпеть.

Папа тоже меня за это отругал, но зато потом мы отправились с ним в зоомагазин и купили все, что нужно для Куся, хотя родители все время повторяют, что мы завтра же пойдем возвращать шиншиллу, – интересно, как они собираются это делать? Можно разве что сесть на лавочку у магазина и ждать, когда старичок снова объявится.

А еще нужно шиншилле придумать новое имя, Кусем его разве что Луцка могла назвать.

Правда, мы пока купили только маленькую клетку, большая слишком дорогая, а зверек у нас ненадолго, думает папа. Я-то считаю, что все равно придется потом покупать большую, но молчу.

Так вот и получилось, что теперь у меня есть шиншилла – уже не Кусь, но пока еще я не придумал кто, и она суперская, я наблюдаю, как она прохаживается по новой клетке, пьет, роется в опилках, мы еще и песок для нее купили, потому что продавщица в зоомагазине сказала, что шиншиллы очень забавно валяются в песке.

Но самое удивительное, что этот старик, получается, сделал что-то сверхъестественное, а раз существует на свете такой старик, почему бы не существовать и другим сверхъестественным явлениям, всяким там монстрам, например? Понятное дело, что Волан-де-Морт в фильме – не Волан-де-Морт, а всего лишь актер, и Дарт Вейдер тоже, но может же быть просто кто-то страшный, не из кино даже. Например, я представляю себе существо с очень морщинистым лицом – как пальцы, когда их очень долго держишь в воде, или человека без глаз, с пустыми глазницами, как у скелета. Или какого-то ужасно худого и высокого человека с длинными-преддлинными ногтями. Или черный вихрь, это просто такая черная масса, которая набрасывается на человека, высасывает всю кровь и забирает душу.

Все эти ужасы мне когда-то снились в моих ночных кошмарах.

А теперь я даже не могу пожаловаться родителям, ведь я им наврал, что сам проболтался старику, где мы живем, так что они уже вряд ли мне поверят. Наверное, сегодня я не засну.

К тому же я опять спал днем. Когда я возвращаюсь из школы и за окном еще светло, то стоит мне прилечь на кровать, как сон так легко приходит ко мне, как вот зимой бывает: выпьешь чего-нибудь теплого – и по телу приятно разливается тепло. Так и по мне разливается усталость, и я мгновенно засыпаю. Иногда мне дают поспать, иногда будят, но хоть по чуть-чуть я сплю почти каждый день.

– Вот он потом и не может заснуть, – говорит папа, который этого терпеть не может, поэтому, если я вдруг сплю, когда он приходит с работы, он сразу меня будит. В такие моменты я его не выношу. – И не смотри на меня так, опять ночью не будешь спать.

Тут приходит Том и забирается ко мне в ванну. Он вечно весь в синяках после тренировок, и один зуб у него выбит, ему будут ставить протез.

– Ну что, debil? – говорит он мне.

– Ничего, идиот, – отвечаю я.

– Раз у тебя теперь есть мохнатая мышь, я выпрошу себе змею, – говорит он. – И запущу ее тебе в комнату.

Конечно, он постоянно так меня дразнит, мне плевать, но иногда он может ляпнуть что-то такое, что меня по-настоящему задевает за живое. Например, как-то он сказал, что слышит странные звуки в стене, и я потом их тоже услышал. А еще однажды ночью он навалил на меня всю мою одежду из шкафа, и я проснулся под всей этой кучей и долго не мог выбраться, он

еще сунул туда своего огромного скользкого игрушечного жука, это было правда ужасно, хоть и давно, я еще был совсем мелким.

Настолько ужасно, что с тех пор он мне больше ничего серьезного не делал. Даже папа тогда на него накричал, хотя обычно кричит только из-за флорбола, так что, в общем-то, это было не зря, только у меня потом несколько дней дергался глаз от испуга. Собственно, из-за этого глаза папа на него и накричал, и вот поэтому Том мне больше ничего такого не делает, только дразнится.

Бродяга

П – Мальчишки, вылезайте уже, – заглядывает к нам мама в ванную. Я вылезая первым, иду за ней на кухню, чтобы меня не услышали ни Том, ни папа, и говорю тихонько, что мне бы хотелось сегодня, в виде исключения, поспать у нее в кровати.

– Ну здравствуйте! Ты уже большой мальчик. – Мама всегда так говорит, но, по-моему, ей просто нечего возразить. – К тому же у тебя теперь есть зверек. Так в чем дело?

В чем дело? Ладно, тогда я клетку с уже не Кусем поставлю к самой кровати, пусть меня сторожит, может, все это специально так и задумано: волшебный старик дал мне шиншиллу, чтобы она охраняла меня от всех страшных вещей, которые происходят ночью, и от кошмаров, которые мне часто снятся. «Бродяга» – осеняет меня, это прозвище Сириуса Блэка, и мне кажется, шиншилле оно очень подходит. Я даже отправляюсь один в ванную чистить зубы, я так почти никогда не делаю – идти одному в темноте туда, где никого нет?! Я, конечно, сразу включаю свет, но этот момент, пока свет еще выключен и там только тени и очертания предметов, – иногда это так меня пугает, что я вообще стараюсь не заглядывать в темные комнаты. Но хуже всего эта лампочка в ванной: перед тем как зажечься, она несколько раз мигает, и мне всегда кажется, что в ванной происходит что-то странное.

Но сегодня я и с этим справляюсь. Спокойно, я абсолютно спокоен.

В ванную заходит Том и тоже начинает чистить зубы, мы стоим рядом перед зеркалом и пихаемся, потому что вдвоем тут тесно. Том сильнее, он занимается спортом, и к тому же выше, хоть и младший. За что мне такое? Почему мой младший брат может легко меня одолеть в драке?

– Да потому что ты заморыш, – говорит папа. – Тебе тоже надо заниматься каким-нибудь спортом.

Но я не хочу, и в школе на физкультуре я вечно последний, мне спорт не нравится, хватит с меня флейты, которую я тоже терпеть не могу.

В конце концов чистка зубов превращается в небольшую драку, но никто бы и не заметил, если бы Том не уронил мамин крем, который открылся и разбрызгался по полу.

– Мне все равно, кто это сделал, – произносит мама еще одну свою излюбленную нелепую фразу. – Убирайте вместе.

И вот мы вместе начинаем вытирать, а сами норовим хлестнуть друг друга по лицу грязными салфетками. Тут заходит папа и орет на нас по-настоящему:

– Немедленно спать!

Ну, значит, спать. Луцка уже лежит, и папа читает ей перед сном какую-то малышовую ерунду, неважно. Последний раз я заглядывал к Бродяге перед ужином: он ничего особенного не делал, просто спал, но теперь он проснулся и бродит по клетке, шуршит и роется в опилках. Так что, похоже, это подходящее имя. Он мешает нам слушать, поэтому папа предлагает пере-

ставить его на ночь в другое место, ну уж нет, я оставлю его здесь. Луцке все равно, она говорит, что очень устала и вот-вот заснет, и правда засypает, как только папа выходит за дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.